ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ РОМАНТИКОВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАГМАТИКОВ

УДК 94(47).084.3:377.031.4 *ГСНТИ 11.15*
ББК 63.3(2)61р+30р.г *Код ВАК 23.00.02*
DOI: 10.22394/2304-3369-2019-3-16-26

М. В. Добрынина
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»,
Москва, Россия
AuthorID: 736493

АННОТАЦИЯ: Автор настоящей статьи рассматривает основные тенденции реформирования системы инженерного образования в Советской России в 1917–1925 годах. Отмечается, что огромным препятствием для реализации программы воспроизводства кадров оказалась нехватка управленческого и преподавательского состава для укомплектования кадрами самих школ, курсов и училищ. Называются три основных императива развития системы технического образования в этот период: пролетаризация (сопутствующие ей феминизация и коренизация); централизация и политизация управления образованием; пересмотр содержания учебных планов и учебных программ учебных заведений, индоктринация государственно-партийного патернализма. В исследовании отмечается, что экономика государства требовала форсированного восстановления и модернизации, поэтому по окончании Гражданской войны техническое образование оказывается предметом особенно пристального внимания партийно-государственного аппарата управления страной. При этом именно в этот переломный период наметилось и в дальнейшем только укреплялось третье направление реформирования: пересмотр содержания учебных планов и учебных программ технических учебных заведений с позиций государственно-партийного патернализма. Суть политики патернализма в науке, культуре и образовании сводится к тому, что идеологические конструкции, политические ценности и доктрины, оформленные на государственно-партийном уровне в определенный идеологический концепт, переносятся в учебные и научные планы научных и образовательных учреждений, репертуарную и выставочную политику культурных учреждений. Показывается, что политика политического романтизма («скорой победы пролетариата в мировой революции») потерпела поражение. Отмечается, что с середины 20-х годов техническое образование ориентировано на решение прагматических, в первую очередь, экономических целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образовательная система, инженерное образование, революция, военный коммунизм, пролетаризация, патернализм.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мария Владимировна Добрынина, доцент, Национальный исследовательский институт «Московский институт электронной техники»,
127994, Россия, Москва, ул. Новосущёвская, 22, mic.org.miet@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Добрынина М. В. Послереволюционная политика Советской России в отношении инженерного образования: борьба политических романтиков и социально-экономических прагматиков // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 16—26.

© М.В. Добрынина, 2019

В послереволюционный период советское правительство быстро осознало стратегическое значение науки, образования в целом и инженерного образования в частности для преодоления экономического кризиса, укрепления обороноспособности страны, в перспективе, после окончательной «победы над буржуазией» [1, с. 49; 2, с. 470; 3, с. 472; 4, с. 487], – для строительства общества и государства нового типа. Новое руководство государства еще в первые месяцы Гражданской войны пришло к пониманию, что для удержания и укрепления власти необходимо, в том числе, опереться

на группу профессионалов, которые смогут в короткие сроки обеспечить решение задач победы большевиков в войне и восстановления разрушенного хозяйства. Поэтому уже в первой Программе ВКП(б) была декларирована экономическая и политическая значимость политехнического образования, развитие которого было провозглашено одной из приоритетных задач партии и государства [5, с. 49].

В Программе, в выступлениях В. И. Ленина и других руководителей партии политехническое образование рассматривалось как апофеоз демократической образовательной политики. Оно противопоставлялось узкопрофессиональному техническому и всем другим видам монообразования, которые, в свою очередь, были отнесены к пережиткам прагматичного буржуазного подхода к просвещению [6, с. 41].

Ленин уже в 1918 году выдвинул идею о преобразовании профессиональных школ в единые трудовые (по сути, средне – предпрофессиональные – предполитехнические) школы, причем руководители Наркомпросса восприняли эту идею не как методологическую основу реформы, а как директиву к исполнению, в связи с чем в стране началась кампания по ликвидации профшкол и созданию на их основе единых трудовых школ [7, с. 322–332; 8, с. 21–22]. Вместе с тем, эта идея находила тем меньше поддержки, чем в более далеких от Москвы районах она осуществлялась: большинство работников, понимающих суть и содержание системы профессионального образования, осознавали, что преобразование — это, по сути, ликвидация нормально функционирующей системы, когда «здания разрушаются, инвентарь расхищается, портится и утилизируется для других целей, в то время как возобновление его представляет с трудом выполнимую задачу» [9, с. 28]. Отдавая себе отчет, что продолжение процесса с той же интенсивностью неизбежно приведет к уничтожению самой области профтехобразования, активисты по мере своих сил пытались доносить свои опасения до политического руководства всех уровней и противостоять процессу [10; 11; 12, с. 56].

В начале 1919 года Наркомпросс изменил свое отношение к профессиональному образованию: в принятой в апреле «Декларации о задачах профессионально-технического образования в России» подчеркивалось, что нельзя «относиться к техническим школам и профессиональным училищам, унаследованным нами от прошлого, как к чему-то устарелому, подлежащему упразднению для замены их Единой Трудовой Школой» [13]. В документе также отмечалось, что все профессиональные школы способны к развитию и изменению в «горячей атмосфере революции» [13]. Осторожная риторика декларации 1919 года стала еще более решительной в Декларации о профессионально-техническом образовании в СССР, принятой в январе 1920 года [14; 15], с точки зрения акцента на экономическом и политическом потенциале среднего профессионального образования.

Однако огромным препятствием для реализации программы воспроизводства кадров оказалась нехватка управленческого и преподавательского состава для укомплектования кадрами самих школ, курсов и училищ. Доктрина военного коммунизма была идеологическим барьером для привлечения к строительству коммунизма старорежимных кадров, однако реализация этой доктрины и переход к социализму в обозримой перспективе требовала качественного «человеческого материала» уже в настоящем [16, с. 183]. Это противоречие «теории и практики социализма» разрешалось двумя основными путями: «перековка» старых дореволюционных кадров [17, с. 152], форсированная подготовка новой социалистической интеллигенции посредством расширения доступа в высшие учебные заведения широким народным массам [18].

Таким образом, одним из императивов начатой в 1920 году реформы системы технического (инженерного) образования была *пролетаризация.* Специалисты отмечают, что на раннем этапе осуществления реформы идеология пролетаризации была ориентирована не только и не столько на решение политической задачи создания социалистической интеллигенции нового образца, призванной стать создателем социалистической индустрии, сколько на решение социальной задачи построения неклассового общества посредством открытия каналов горизонтальной и вертикальной мобильности для представителей рабочих и крестьян. Направление на пролетаризацию для решения задачи «пополнения состава учащихся Высших учебных заведений преиму-

щественно лицами, происходящими из пролетариата и трудового крестьянства» [19] было кодифицировано в декрете Совнаркома (СНК) «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР», Постановлении СНК «О преимущественном приеме в вуз представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», Программе РКП(б), принятой на съезде партии в марте 1919 года, «Положении о высших учебных заведениях» 1922 года, которое провозглашало новую целевую установку для всех вузов России — «распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане» [20].

Согласно декрету «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР» 1918 года, «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступать в число слушателей любого высшего учебного заведения *без представления диплома, аттестата или свидетельства* (курсив мой. – *М. Д.*) об окончании средней или какой-либо школы» [21, с. 56]. Однако реализация важного социально и политически значимого решения была осложнена тем, что у крестьянства и пролетариата отсутствовала необходимая общеобразовательная подготовка для обучения в высших учебных заведениях, в связи с чем также в «пожарном порядке» для пролетариата были организованы курсы довузовской подготовки и рабфаки. Политика пролетаризации осуществлялась вплоть до конца 30-х годов за счет применения двух основных технологий: зачисления в вузы классово верных абитуриентов по разнарядке на основе преимущественного права представителей рабочих и крестьян (отсев классово чуждых элементов осуществлялся классовыми комиссиями), а также последующих кадровых чисток (репрессий).

Пролетаризация студентов сопровождалась также пролетаризацией профессорско-преподавательского состава. С. Волков так описывает политическую технологию замещения классово чуждых кадров выдвиженцами и образованцами: «В течение 20-х годов кадры советской интеллигенции хотя и пополнялись активно выходцами из рабочих и крестьян, но еще в своем большинстве дипломированные специалисты формировались в значительной степени из непролетарских слоев» [22; 23, с. 96], поскольку в 20-е годы партия и правительство руководствовались идеями политического прагматизма: знания, опыт и навыки дореволюционной интеллигенции были абсолютно незаменимы в решении задачи удержания власти и обеспечении сохранности основных отраслей экономики. Причем, на том этапе, «когда решался вопрос о самом существовании советской власти, чем выше был уровень работников, тем выше среди них процент старой интеллигенции. В дальнейшем, когда опасность миновала, стали, напротив, выдвигать на самые высшие должности “классово-надежные” элементы, несмотря на их некомпетентность и неспособность» [23, с. 104].

Однако в дальнейшем политика пролетаризации, а также сопутствующие ей коренизация и феминизация образовательной политики интенсифицировались, репрессии стали массовыми и беспощадными, поэтому к концу 30-х годов привели почти к полному уничтожению дореволюционной технической интеллигенции. Согласно переписи квалифицированных специалистов, проведенной на 1.11.1933 г., с 1928 по 1934 г., их количество увеличилось почти в три раза, «старорежимная» интеллигенция, уцелевшая после чисток, потерялась в числе «выдвиженцев» и «образованцев». Уже к 1932 г. советская пресса сообщала, что «специалисты из рабочих и крестьян составляют около 65 %, т.е. вдвое больше, чем в 1929 г.» [24, с. 123–124], а к 50-м годам 3/4 представителей образованного слоя населения были интеллигентами в первом поколении, что привело к побочному социокультурному эффекту стирания грани между рабочим классом и представителями образованных группа населения [25, с. 33]. Соответственно нивелировался статус интеллигенции и падал общественный престиж интеллектуального труда. Негативный социокультурный эффект политики пролетаризации, по некоторым оценкам, может быть преодолен только в настоящее время. К 80-м годам XX века социальный статус технической интеллигенции был нивелирован: только четверть представителей инженерной профессии считали свою работу престижной, а оплату своего труда называли достойной только 17,2 % технических специалистов высшей квалификации [23, с. 124].

Вторым направлением реформирования стала централизация и политизация управления образованием. Уже в начале двадцатых годов Наркомпроссом предпринимается попытка создания жесткой централизованной системы управления образованием с единым партийным центром принятия решения, причем жестким авторитарным способом. В этом отношении, система образования оказывается лишь одной из сфер общественной жизни, руководство которой переходит от различных социально-экономических к политическим структурам, поскольку уже вскоре после роспуска Учредительного собрания большевистское правительство было ориентировано на императив, согласно которому «благодаря неписанному закону нашей конституции… партийная организация стоит над советской» [26, с. 123]. Соответственно, «создаваемые управленческие структуры, по мысли их создателей, должны были всецело контролировать проведение в жизнь партийно-государственных решений в сфере образования» [6, с. 45].

В партийных структурах была разработана исключительно политизированная доктрина научного, культурного и социокультурного развития страны. Государственная политика в области образования регулировалась, в первую очередь, исходя и примата идеологических концептов, а исходя из мотивов, зарождавшихся также в высшем партийном руководстве, осуществлялись кадровые назначения и перестановки. Однако исторические источники свидетельствуют, что вновь создававшиеся политизированные структуры администрирования образования не только не встречали поддержки в соответствующих регионах, но и являлись элементами, осложнявшими и без того запутанные межведомственные взаимодействия Наркомпросса, ВСНХ, Советов, партии, профсоюзов и т.п. В итоге, большая часть этих структур расформировывалась, не просуществовав и нескольких месяцев [27].

Процесс централизации управления и переподчинения всех профессиональных учебных заведений Наркомпроссу завершился только в 1920 году, поскольку был осложнен рядом обстоятельств: сопротивлением сотрудников ведомств, которым подчинялись учебные заведения, административная путаница и бюрократия [9, с. 28]. В конечном итоге, в 1920 году был учрежден Главный комитет по профессионально-техническому образованию, в губерниях и уездах были созданы его подотделы. Их полномочия не были четко отделены от полномочий и компетенции губернских и уездных отделов народного образования, что снова вызвало проблемы межведомственного взаимодействия. Противоречивая ситуация была разрешена принятием Положения о губернских комитетах профессионально-технического образования от 11 декабря 1920 года, благодаря чему «новый период совместной работы губпрофобра с наробразом начался в благоприятной атмосфере» [28, с. 16].

Третье направление реформирования оформилось и актуализировалось ближе к 1920 году, когда относительно короткий период недооценки экономической и политической значимости инженерного образования и желания большевистских идеологов заменить среднее профессиональное образование Единой Трудовой школой завершился и сменился «восстановлением в правах» в глазах партийного и государственного руководства среднего и высшего технического образования. В конце 1919 – начале 1920 года в партийном ядре, в котором разворачивалась борьба романтиков революции и прагматиков, окончательную победу одержали прагматики. Несмотря на то, что в более поздней образовательной политике иногда просматривалось желание партийного руководства сделать профессиональное, в частности, техническое образование пространством идеологической борьбы, с этого переломного момента образование преимущественно рассматривалось как один из главных инструментов социально-экономических преобразований и модернизаций.

Дефицит высококвалифицированных технических кадров ощущался во всех без исключения отраслях экономики исключительно остро: «Восемь лет войны и революции не прошли бесследно, уже быстро и верно развертывается кризис образования, который – мы говорим об инженерах и техниках – как раз расползается по всем нашим установлениям. <…> За восемь лет должно было – при мирных условиях – сойти со сцены не менее 1/3 инженеров. А если учесть, сколько техников погибло в политической и гражданской войне, сколько по-

дорвало здоровье и пропало от эпидемий, голода, холода, эмиграции за границу и т.д. – то едва ли можно считать, что у нас осталась даже половина наших сил» [29, с. 2]. Экономика требовала форсированного восстановления и модернизации, поэтому по окончании Гражданской войны техническое образование оказывается предметом особенно пристального внимания партийно-государственного аппарата управления страной.

При этом именно в этот переломный период наметилось и в дальнейшем только укреплялось третье направление реформирования: *пересмотр содержания учебных планов и учебных программ технических учебных заведений с позиций государственно-партийного патернализма.* Суть политики патернализма в науке, культуре и образовании сводится к тому, что идеологические конструкции, политические ценности и доктрины, оформленные на государственно-партийном уровне в определенный идеологический концепт, переносятся в учебные и научные планы научных и образовательных учреждений, репертуарную и выставочную политику культурных учреждений. Эти социальные институты, в свою очередь, должны транслировать соответствующие идеологемы широким народным массам. Роль образовательной системы в трансляции государственной идеологии является ключевой: в первую очередь, именно образовательная система производит «человеческий материал» по заданным государством параметрам. В 20-е годы XX века государственно-партийная идеология представляла собой сочетание элементов идеологии классического и нового марксизма, ценностей эпохи Просвещения (в первую очередь, рационализма) с идеями государственничества и великодержавия.

Соответственно, реформирование учебных планов и учебных программ инженерных учебных заведений, прежде всего высшей ступени, отражало необходимость сочетания двух с трудом совместимых требований: отражение партийно-государственной идеологии, с одной стороны, и максимально быстрое, массовое и качественное удовлетворение запроса вооруженных сил, промышленности и других отраслей хозяйства на квалифицированные инженерные кадры – с другой [30].

Декретом СНК от 4 июня 1920 года «О высших технических учебных заведениях» были унифицированы сроки и продолжительность обучения, а также расписание учебных занятий. Главным императивом высшего и среднеспециального образования объявлялась практикоориентированность на нужды промышленности, а главной целью – выпуск максимального числа работников-специалистов за отведенные – укороченные – сроки обучения [31]. Этот подход был одобрен и Первым партийным совещанием по вопросам народного образования в декабре 1921 года [32, с. 139]. 4 марта 1921 года Совнаркомом был установлен общий для всех вузов минимум общетеоретических естественных наук, который включал четыре дисциплины (химия, биология, физика, космическая физика) по два часа в неделю в течение одного-двух триместров обучения. При этом, согласно постановлениям Совнаркома, в учебные планы необходимо было внести обществоведческие дисциплины, такие как история пролетарской революции, развитие общественных форм, исторический материализм, план электрификации СССР и др. На каждый из этих предметов необходимо было выделить по два часа в неделю в течение двух-трех триместров [33].

Все высшие учебные заведения, в первую очередь университеты и политехнические вузы, столкнулись с необходимостью сокращения теоретической, фундаментальной и гуманитарной частей учебного плана и расширить объем предметов общественного цикла. Однако многие вузы, в том числе, находящиеся в Петрограде все самые именитые инженерные учебные заведения, на первом этапе реформ пытались сохранить содержание и пропорциональное соотношение фундаментальных и прикладных дисциплин в учебных планах, попытавшись «втиснуть» содержание учебных программ общетеоретических предметов в укороченные сроки обучения [33].

В начале 20-х годов система технического образования (как и другие подсистемы образования и социальной сферы) недофинансировалась, причем сокращение наблюдалось как в абсолютных цифрах и составляло не более 60 % от дореволюционных показателей, так и в относительных: если в 1920 году на нужды образования было выделено 10, 2 % бюджета страны, то в

1922 году эта цифра составляла только 4,2 % [34]. В абсолютных цифрах к 1922 году все советское высшее образование содержалось на средства, которые в 1915 году получал из государственного бюджета только один Московский университет. Соответственно, число высших инженерных учебных заведений сокращалось (только за один 1921–1922 год их число сократилось более чем в два раза). И к 1923 году во всем уже огромном Советском Союзе осталось только 24 высших технических учебных заведения [35]. С учетом снижения качества абитуриентов вследствие пролетаризации образования и снижения качества общего среднего образования, качество выпускников, несмотря на все старания руководства и профессорско-преподавательского состава вузов, также резко упало.

Тенденция сокращения числа вузов сопровождалась процессом их объединения. Объединению и укрупнению подвергались чаще всего вузы на губернском уровне. Снижение финансирования технического образования продолжалось: с 1923 года на государственном уровне была провозглашена необходимость сокращения расходов на административные аппараты, прозвучала директива «уменьшать расходы по всем ведомствам, упраздняя и сокращая выходящие из рамок действительной необходимости и финансовых возможностей советские и хозяйственные органы» [36]. Однако фактически началась кампания по упразднению, сокращению и слиянию всех «неэффективных» учебных заведений, курсов, классов и факультетов: старшие курсы ряда технических вузов упразднялись ввиду небольшого количества студентов, студенты распускались или распределялись по другим вузам, профессорско-преподавательский состав сокращался, часть отправлялась на работу в другие населенные пункты и даже регионы, сами вузы объединялись или закрывались [37]. Все эти процессы привели к хаосу в администрировании учебного процесса. В некоторых губернских учебных заведениях и даже в некоторых вузах Москвы и Петрограда с 1923 до 1925–1926 учебных годов не было четко выстроенной идеологии учебного процесса, учебного плана и подчас даже расписания занятий [37].

К 1923–1924 году себя четко обозначило противоречие между необходимостью для вузов заполнения контингента студентами, с одной стороны, и требованием пролетаризации, с другой. В 1923 году классовые комиссии рекомендовали для зачисления на вакантные места меньше представителей рабочего класса, чем требовали постановления о пролетаризации, и на них был объявлен свободный прием. Это обстоятельство привело к снижению необходимого процента пролетариев в числе студентов (по всей стране эта цифра составляла не более 25 %) [38]. Для «выравнивания» классового состава с 1924 года все более активно стали применять чистки.

К 1924–1925 годам в публичных выступлениях руководителей партии и правительства и в СМИ часто появлялись сообщения об успешном завершении процесса пролетаризации высшей школы [39, с. 97; 40, с. 89], однако, по сути, она потерпела неудачу, поэтому был объявлен более гибкий и прагматичный курс на «политическое воспитание студентов в стенах высшей школы» [41, с. 24]. В середине 20-х годов начинается постепенное возвращение процедуры зачисления в вузы к конкурсному принципу и отказ от строгого классового подхода: уже к 1926 году квота поступающих в вузы на основе свободного конкурса была увеличена до 45 %, а 10 июля 1926 году СНК РСФСР уравнял в правах на высшее образование выходцев из рабочих и государственных служащих [42; 43]. Одной из главных причин пересмотра классового принципа стала его неэффективность в решении задачи насыщения экономики кадрами. Народному хозяйству, разрушенному революцией и Гражданской войной, необходимы были высококвалифицированные специалисты, а классовая система комплектования вузов приводила к систематическому недобору, уменьшению контингента обучающихся ввиду слабой подготовки поступивших.

Как уже отмечалось, в борьбе фракций «романтиков» и «прагматиков» внутри партии большевиков, в конечном итоге, окончательную и безоговорочную победу одержали прагматики. Историческую роль этой победы можно оценить следующим образом: «Победа в конце концов “государственников” над “утопистами” выразилась в приоритете стратегии завершения революции, построения завершенного социализма в одной отдельно взятой стране и постави-

ла на повестку дня разработку модернизационного проекта, который позволил бы этому социалистическому государству выжить во враждебном внешнем окружении» [44, с. 51]. Мы не можем не согласиться с этой оценкой. Действительно, уже в середине 20-х годов главным проектом, определившим развитие инженерного образования, стал проект форсированной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11(24) января 1918 г. // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
2. Ленин В. И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
3. Ленин В. И. Речь на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 28 января (10 февраля) 1918 г. // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М., 1949. Т. 26.
4. Ленин В. И. Речь в коммунистической фракции V Всероссийского съезда Советов 3 июля 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.
5. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) принята 8 съездом партии 18–23 марта 1919 года // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. 1917–1922.
6. Силин А. В. Советская парадигма профессионального образования в 1917–1920 годах: этапы эволюции // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №6. С. 41–48.
7. Ленин В. И. О работе Наркомпроса // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.
8. Ленин В. И. – Луначарскому А. В. 29 ноября 1920 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52.
9. Королев Ф. Ф. Из истории народного образования в Советской России (низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917–1920 гг.) // Из истории советской школы и педагогики. Изв. АПН РСФСР. М., 1959. Вып. 102.
10. ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 111. Д. 167. Оп. 1. Л. 49об.
11. ГААО (Гос. арх. Арх. обл.). Отдел документов соц.-полит. истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
12. Красавцева С. А. Северо-Двинский губернский Отдел народного образования в 1918–1929 гг. // Ист. краеведение: сб. ст. Вологда, 2003. Вып. 9.
13. ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Л. 314. Л. 38(а), 38(е).
14. Вестн. проф.-тех. образования. 1920. № 1. С. 1–5; ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 1. Д. 22. Л. 50–55.
15. ГААО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 314. Оп. 1. Л. 66–68об.
16. Бухарин Н. И. Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989.
17. Красовицкая Т. Ю. Модернизация России. Национально-культурная политика. М.: ИРИ, 1998.
18. Галевиус Ф. К. Съезду губсовнархозов // Красный Север. 1920. 29 февраля.
19. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 1. Д. 67. Л. 342.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1641. Л. 21.
21. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919.
22. Изменения социальной структуры советского общества. 1921 – середина 1930-х гг. М.: Мысль, 1979.
23. Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: Некоммерческая орг. фонд «Развитие»: Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН, 1999.
24. Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки: Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах. М.: Высшая школа, 1968.
25. Руткевич М. Н. Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции // СИ. 1980. № 4.
26. Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет // Октябрь. 1991. № 9.
27. ГАВО. Ф. 111. Д. 167. Оп. 1. Л. 49об.
28. Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг.: юбилейный сборник / под ред. О. Г. Аникст. М.: Главпрофобр, 1922.
29. Архангельский А. А. Пятилетие Наркомпросса // Народное просвещение. 1922. № 107.
30. Народное просвещение. 1920. № 58–61.

31. Высшая школа РСФСР в период с 1921 по 1925 годы: новые подходы и оценки: (На примере вузов Москвы). М.: Инж. центр «Приборист», 1994.

32. Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921–1927 гг.) М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

33. Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.) / Под ред. В. А. Шишкина. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. С. 122–132.

34. Народное просвещение. 1923. № 2. С. 15.

35. Народное просвещение. 1923. № 9. С. 12.

36. ГАРФ. Ф. А-1565. Оп. 2. Д. 209. Л. 27.

37. Кабанов Н. Е. Из Читы во Владивосток в далеком 1923 году ехали студенты из одного университета в другой…: воспоминания // Дальневост. ученый. Владивосток, 1990. №13 (март – апрель).

38. ГАРФ. Ф. А–1565. Оп. 2. Д. 209. Л. 30.

39. Луначарский А. О положении высших учебных заведений в республике // Красная молодежь. 1924. №1.

40. Вихирев Н. Итоги и перспективы развития рабфаков // Красная молодежь. 1924. №2. С. 89.

41. Андреев Д. А. «Пролетаризация» советской высшей школы: 1921–1925 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Том 18. Вып. 44. С. 22–26.

42. Красный студент. 1923. № 6. С. 31.

43. Еженедельник народного комиссариата просвещения. 1924. №8(29). С. 3.

44. Захаровский Л. В. Советская система профтехобразования и процесс мобилизационной модернизации в СССР // Научный диалог. 2015. № 5(41). С. 48–76.

POST-REVOLUTIONARY POLICY OF SOVIET RUSSIA WITH REGARD TO ENGINEERING EDUCATION: THE STRUGGLE OF POLITICAL SENTIMENTALISTS AND SOCIO-ECONOMIC PRAGMATISTS

M. V. Dobrynina
National Research University
«Moscow Institute of Electronic Technology»,
Moscow, Russia

ABSTRACT: the author of this article examines the main trends of reforming the system of engineering education in Soviet Russia in 1917–1925. It is noted that a huge obstacle to the implementation of the program of personnel reproduction was the lack of managerial and teaching staff at schools, training courses and professional schools.

There are three main imperatives of the system of technical education development in this period: proletarianization (accompanied by feminization and indigenization); centralization and politicization of education management; review of the content of curricula and training programs educational institutions, indoctrination of the establishment paternalism. The study notes that the state economy required a forced recovery and modernization, so at the end of the Civil War, technical education is the subject of particular attention of the party-state apparatus of government

At the same time, it was during this critical period that the third direction of reform was outlined and further strengthened: the revision of the content of curricula and curricula of technical schools from the standpoint of state-party paternalism. The essence of the policy of paternalism in science, culture and education is to ensure that the ideological construction, political values and doctrines, designed at the state-party level in a certain ideological concept, transferred to the educational and research plans of the scientific and educational institutions, repertoire and exhibition policy of cultural institutions. It is shown that the policy of political romanticism ("the imminent victory of the proletariat in the world revolution") was defeated. It is noted that since the mid-20s technical education is focused on solving pragmatic, primarily economic goals.

KEYWORDS: educational system, engineering education, Revolution, Military Communism, proletarisation, paternalism.

AUTHORS' INFORMATION: Maria V. Dobrynina, Cand. Sci. (Political), Associate Professor, National Research University of Electronic Technology,
22, Novosushchevskaya st., Moscow, 127994, Russia, mic.org.miet@gmail.com

FOR CITATION: Dobrynina M. V. Post-revolutionary policy of the Soviet Russia in relation to engineering education: the struggle of political sentimentalists and socio-economic pragmatists // Management Issues. 2019. № 3 (39). P. 16—26.

REFERENCES

1. Lenin V. I. Report on the activities of the Council of People's Commissars on January 11 (24), 1918 // V. I. Lenin. Writings, 4th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Doklad o deyatel'nosti Soveta Narodnykh Komissarov 11(24) yanvarya 1918 g. // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.] – (In Rus.).

2. Lenin V. I. Speech to the agitators sent to the province // Lenin V. I. Soch. 4 th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Rech' pered agitatorami, posylaemymi v provintsiyu // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.] – (In Rus.).

3. Lenin V. I. Speech at the All-Russian Congress of Peasant Deputies and Land Committees on January 28 (February 10), 1918 // V. Lenin. Writings, 4th ed. M., 1949. V. 26 [Lenin V. I. Rech' na Vserossiyskom s"ezde krest'yanskikh deputatov i zemel'nykh komitetov 28 yanvarya (10 fevralya) 1918 g. // Lenin V. I. Soch. 4-e izd. M., 1949. T. 26.]. – (In Rus.)

4. Lenin V. I. Speech at the Communist faction of the 5th All-Russian Congress of Soviets on July 3, 1918 // Lenin V. I. Complete writings. T. 36 [Lenin V. I. Rech' v kommunisticheskoy fraktsii V Vserossiyskogo s"ezda Sovetov 3 iyulya 1918 g. // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 36.] – (In Rus.).

5. The program of the Russian Communist Party (Bolsheviks) was adopted by the 8th Party Congress on March 18–23, 1919 // The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plena of the Central Committee. M., 1983. V. 2. 1917–1922 [Programma Rossiyskoy Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov) prinyata 8 s"ezdom partii 18–23 marta 1919 goda // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. M., 1983. T. 2. 1917–1922.] – (In Rus.).

6. Silin A. V. The Soviet paradigm of vocational education in 1917–1920: the stages of evolution // Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. № 6. P. 41–48 [Silin A. V. Sovetskaya paradigma professional'nogo obrazovaniya v 1917–1920 godakh: etapy evolyutsii // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2011. №6. S. 41–48.] – (In Rus.).

7. Lenin V. I. On the work of the People's Commissariat of Education // Lenin V. I. Complete writings. V. 42 [Lenin V. I. O rabote Narkomprosa // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 42.] – (In Rus.).

8. Lenin V. I. to Lunacharsky A. V. November 29, 1920 // Lenin V. I. Complete writings. V. 52 [Lenin V. I. – Lunacharskomu A. V. 29 noyabrya 1920 // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 52.] – (In Rus.).

9. Korolyov F. F. From the history of public education in the Soviet Russia (lower and secondary vocational schools and higher education in 1917–1920) // From the history of the Soviet school and pedagogy. The Proceedings. APN RSFSR. M., 1959. Issue 102 [Korolev F. F. Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Sovetskoy Rossii (nizshie i srednie professional'nye shkoly i vysshee obrazovanie v 1917–1920 gg.) // Iz istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki. Izv. APN RSFSR. M., 1959. VyP. 102.] – (In Rus.).

10. State Arch. of Vologod. Region. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob. [GAVO (Gos. arkh. Vologod. obl.). F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob.] – (In Rus.).

11. State Arch. of Arch. region. Department of documents of social. – polit. histories. F. 5. OP. 1. D. 4. L. 19 [GAAO (Gos. arkh. Arkh. obl.). Otdel dokumentov sots.-polit. istorii. F. 5. OP. 1. D. 4. L. 19.] – (In Rus.).

12. Krasavtseva S. A. Severo-Dvinsky Province Department of Public Education, 1918–1929. // Hist. of regional studies: Coll. of art. Vologda, 2003. Issue 9 [Krasavtseva S. A. Severo-Dvinskiy gubernskiy Otdel narodnogo

obrazovaniya v 1918–1929 gg. // Ist. kraevedenie: sb. st. Vologda, 2003. VyP. 9.] – (In Rus.).

13. State Arch. of Arch. Region. F. 273. OP. 1. L. 314. L. 38 (a), 38 (e) [GAAO. F. 273. OP. 1. L. 314. L. 38(a), 38(e).] – (In Rus.).

14. Bullet. of prof.-tech. education. 1920. № 1. P. 1–5; GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 22. L. 50–55 [Vestn. prof.-tekh. obrazovaniya. 1920. № 1. S. 1–5; GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 22. L. 50–55.] – (In Rus.).

15. State Arch. of Arch. region. F. 273. OP. 1. D. 314. OP. 1. L. 66–68ob. [GAAO. F. 273. OP. 1. D. 314. OP. 1. L. 66–68ob.] – (In Rus.).

16. Bukharin N. I. Tasks on cultural affairs and fight against bureaucracy // Bukharin N. I. Problems of the theory and practice of socialism. M.: Politizdat, 1989 [Bukharin N. I. Kul'turnye zadachi i bor'ba s byurokratizmom // Bukharin N. I. Problemy teorii i praktiki sotsializma. M.: Politizdat, 1989.] – (In Rus.).

17. Krasovitskaya T. Yu. Modernization of Russia. National cultural policy. M.: IRI, 1998 [Krasovitskaya T. Yu. Modernizatsiya Rossii. Natsional'no-kul'turnaya politika. M.: IRI, 1998.] – (In Rus.).

18. Galevius F.K. To the Congress of provincial councils // Red North. 1920, February 29 [Galevius F. K. S"ezdu gubsovnarkhozov // Krasnyy Sever. 1920. 29 fevralya.] – (In Rus.).

19. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 1. D. 67. L. 342 [GARF. F. A-1565. OP. 1. D. 67. L. 342.] – (In Rus.).

20. TsGAIPD SPb. F. 16. OP. 2. D. 1641. L. 21 [TsGAIPD SPb. F. 16. OP. 2. D. 1641. L. 21.] – (In Rus.).

21. Collection of decrees and resolutions of the workers-and-peasants government on public education. Issue 1. M., 1919 [Sbornik dekretov i postanovleniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniyu. VyP. 1. M., 1919.] – (In Rus.).

22. Changes in the social structure of the Soviet society. 1921 – Mid-1930s M.: Thought, 1979 [Izmeneniya sotsial'noy struktury sovetskogo obshchestva. 1921 – seredina 1930-kh gg. M.: Mysl', 1979.] – (In Rus.).

23. Volkov S. The intellectual layer in Soviet society. M. Non-profit org. Foundation "Development": Institute of Scientific Inform. on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1999 [Volkov S. Intellektual'nyy sloy v sovetskom obshchestve. M. Nekommercheskaya org. fond «Razvitie»: In-t nauch. inform. po obshchestvennym naukam RAN, 1999.] – (In Rus.).

24. Chutkerashvili E. V. Personnel for science. (Highly Qualified professionals in the USSR and in capitalist countries). M.: Higher School, 1968 [Chutkerashvili E. V. Kadry dlya nauki. (Spetsialisty vysshey kvalifikatsii v SSSR i v kapitalisticheskikh stranakh). M.: Vysshaya shkola, 1968.] – (In Rus.).

25. Rutkevich M. N. Convergence of the working class and engineering-technical intelligentsia // SI. 1980. № 4 [Rutkevich M. N. Sblizhenie rabochego klassa i inzhenerno-tekhnicheskoy intelligentsii // SI. 1980. № 4.] – (In Rus.).

26. Volkogonov D. Lev Trotsky. Political portrait // October. 1991. № 9 [Volkogonov D. Lev Trotskiy. Politicheskiy portret // Oktyabr'. 1991. № 9.] – (In Rus.).

27. State Arch. of Vologod. region. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob. [GAVO. F. 111. D. 167. OP. 1. L. 49ob.] – (In Rus.).

28. Vocational and technical education in Russia for 1917–1921: anniversary collection / ed. by O. G. Anikst. M.: Glavprofobr, 1922 [Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Rossii za 1917–1921 gg.: yubileynyy sbornik / pod red. O. G. Anikst. M.: Glavprofobr, 1922.] – (In Rus.).

29. Arkhangelskiy A. A. Five years of the People's Commissariat of Education // People's Enlightenment. 1922. № 107 [Arkhangel'skiy A. A. Pyatiletie Narkomprossa // Narodnoe prosveshchenie. 1922. № 107.] – (In Rus.).

30. Public education. 1920. №58–61 [Narodnoe prosveshchenie. 1920. № 58–61.] – (In Rus.).

31. Higher school of the RSFSR in the period from 1921 to 1925: new approaches and assessments: (By the example of Moscow universities). M.: Ing. Center "Priborist", 1994 [Vysshaya shkola RSFSR v period s 1921 po 1925 gody: novye podkhody i otsenki: (Na prim. vuzov Moskvy). M.: Inzh. tsentr «Priborist», 1994.] – (In Rus.).

32. Safrazyan N. L. The struggle of the CPSU for the construction of a Soviet high school (1921–1927). M.: Moscow University Press, 1977 [Safraz'yan N. L. Bor'ba KPSS za stroitel'stvo sovetskoy vysshey shkoly (1921–1927 gg.) M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977.] – (In Rus.).

33. Kupaygorodskaya A. P. Higher School of Leningrad in the early years of the Soviet power (1917–1925) / Ed. V. A. Shishkin. L.:

Science: Leningr. Separation, 1984. P. 122-132 [Kupaygorodskaya A. P. Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.) / Pod red. V. A. Shishkina. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984. S. 122–132.] – (In Rus.).

34. Public education. 1923. № 2. P. 15 [Narodnoe prosveshchenie. 1923. № 2. S. 15.] – (In Rus).

35. Public education. 1923. №9. P. 12 [Narodnoe prosveshchenie. 1923. № 9. S. 12.] – (In Rus.).

36. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 27 [GARF. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 27.] – (In Rus.).

37. Kabanov N. Ye. Back in 1923 students from one university in Chita were riding to another in Vladivostok...: Memoirs // Far East scientist. Vladivostok, 1990. № 13 (March – April) [Kabanov N. E. Iz Chity vo Vladivostok v dalekom 1923 godu ekhali studenty iz odnogo universiteta v drugoy…: vospominaniya // Dal'nevost. uchenyy. Vladivostok, 1990. №13 (mart – aprel').] – (In Rus.).

38. The State Archive of the Russian Federation. F. A-1565. OP. 2. D. 209. L. 30 [GARF. F. A–1565. OP. 2. D. 209. L. 30.] – (In Rus.)

39. Lunacharsky A. On the position of higher educational institutions in the republic // Red Youth. 1924. №1 [Lunacharskiy A. O polozhenii vysshikh uchebnykh zavedeniy v respublike // Krasnaya molodezh'. 1924. №1.] – (In Rus.).

40. Vikhirev N. Results and prospects of the development of remedial schools for workers // Red youth. 1924. №2. P. 89 [Vikhirev N. Itogi i perspektivy razvitiya rabfakov // Krasnaya molodezh'. 1924. №2. S. 89.] – (In Rus.).

41. Andreyev D. A. “Proletarianization” of the Soviet Higher School: 1921-1925 // News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen 2007. Vol. 18. Vol. 44. P. 22-26 [Andreev D. A. «Proletarizatsiya» sovetskoy vysshey shkoly: 1921–1925 gody // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2007. Tom 18. VyP. 44. S. 22–26.] – (In Rus.).

42. Red student. 1923. №6. P. 31 [Krasnyy student. 1923. №6. S. 31.] – (In Rus.).

43. Weekly publication of the people's commissariat of education. 1924. №8 (29). P. 3 [Ezhenedel'nik narodnogo komissariata prosveshcheniya. 1924. №8(29). S. 3.] – (In Rus.).

44. Zakharovsky L. V. The Soviet vocational education system and the process of mobilization modernization in the USSR // Scientific Dialogue. 2015. № 5 (41). P. 48–76 [Zakharovskiy L. V. Sovetskaya sistema proftekhobrazovaniya i protsess mobilizetsionnoy modernizatsii v SSSR // Nauchnyy dialog. 2015. № 5(41). S. 48–76.] – (In Rus.).